

МЕСТО ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Основной учебный текст

I. Своей литературной культурой петровское время глубоко, разносторонне и тесно связано со словесностью второй половины XVII века. В это время резко и достаточно быстро менялись внешний вид, образ жизни, речь русских людей, институты государственной и религиозной жизни; затронутая всем этим, литература вместе с тем оказывалась очень традиционалистской, многое в ней напоминало быстро уходящее в прошлое допетровское время – время его отца, старших единокровных брата и сестры (царя Федора Алексеевича и царевны Софьи). Так, сохраняются и продолжают развиваться прежние жанры; в словесном искусстве, как и за десятилетия до этого, важнейшее место занимает **силлабическая** поэзия в её разных формах, церковная проповедь также по-прежнему играет весьма значимую роль; активно развивающийся театр не порывает с драматическими опытами конца XVII столетия, он опирается на них, что особо заметно в школьной драматургии, т.е. в театральных представлениях, созданных в училищах всякого рода (от Киево-Могилянской академии до училищ епархиальных) и разыгранных там же. Большинство авторов – как и прежде – в той либо другой мере связаны с церковной жизнью; как правило, они – монахи. Общий вид культуры, характер литературного труда, культурная ориентация авторов также кажется во многом прежней. В частности, украинское присутствие в великорусской культуре, несмотря на недоброжелательство московского духовенства и постепенное охлаждение к ним Петра, не только не уменьшается, но, наоборот, становится еще более весомым – и Димитрий Ростовский, и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович – все это выходцы из Западной Руси. К петровскому времени, может быть, даже с большими основаниями, нежели ко второй половине XVIII века применимы слова Д. Чижевского о том, что «российская литература <...> выглядит в определенное время и в определенных частях как какой-то «филиал» украинской литературы» (Чижевський Дм. Історія української літератури. Тернопіль, 1994. С. 298). Украинские интеллектуалы несли с собой барочную культуру, быстро пустившую корни в московскую почву и определившую облик создаваемой и при Алексее Михайловиче, и при старших его детях (царь Федор Алексеевич, царевна Софья), и при Петре культуры поднимавшегося русского абсолютизма. С **барокко** связано и активное усвоение европейской риторической традиции – и в конце XVII, и в начале XVIII веков составляются многочисленные риторические руководства. Риторика в своем эксплицированном виде не только проникла в литературное сознание великороссов и стала определять формируемый культурный климат; сами по себе метариторические сочинения (трактаты по риторике) представляют важную часть словесного искусства, причем, отделить начало XVIII века от конца XVII здесь представляется маловозможным (См. о риториках XVII-XVIII веков: Вомперский В.П. Риторика в России XVII-XVIII вв. М., 1988; Маркасова Е.В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII-начала XVIII века. Петрозаводск, 2002; Аннушкин В.И. Русская риторика. Исторический аспект. М., 2003).

Не только высшие культурные эшелоны продолжали в петровское время традиции предыдущих десятилетий. Еще в большей степени это относится и к демократическим литературным кругам. Так, крайне трудно провести черту между двумя эпохами - концом XVII века и началом века XVIII - в развитии повести, свидетельством чему является «Повесть о Фроле Скобееве». Датируемая современными исследователями петровским временем, она, тем не менее, обычно рассматривается как факт литературной демократической культуры конца XVII века. Тем более затруднительно разграничить поток старообрядческой словесной продукции.

Казалось бы, петровское время действительно оказывается завершителем переходного периода от Средневековья к Новому времени (ранним Новым временем). Поэтому его легче

анализировать в контексте XVII века, поскольку с веком XVIII у него меньше общего, чем с предшествующей эпохой. Именно так поступает автор (А.М. Панченко) и редакторы (Д.С. Лихачев и Г.П. Макогоненко) первого тома четырехтомной «Истории русской литературы» (Л., 1980) или же, скажем, И.З. Серман в своей недавней книге (Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 17-27). Но это не единственно возможное решение – внимательное вглядывание в литературную жизнь того времени покажет, что именно тогда и происходили, может быть, и не сразу заметные, но, тем не менее, глобальные перемены, ознаменовавшие наступление в истории восточнославянской словесной культуры чего-то принципиально иного, чем ранее – новой русской литературы. (Стоит обратить внимание на часто возникающее в трудах, посвященных петровской эпохе, противоречие: одни и те же филологи с одной стороны рассматривают ее как продолжение и часть переходной культуры конца XVII века, с другой же подчеркивают её новаторский характер. Наиболее показательны здесь работы А.М. Панченко).

II. Пристальное внимание к литературной и, шире, культурной жизни петровской эпохи действительно обнаружит в ней нечто принципиально отличное от **барокко** конца XVII века и, напротив, крайне близкое тому, что существовало в России с 1730-х годов. Пожалуй, два момента оказываются здесь особо важными. Первый касается секуляризации. Её роль в развитии культуры в интересующий нас период трудно переоценить. «Новизна петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации», – писал прот. Георгий Флоровский (Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Изд. 3. Paris, 1983. С. 82). Он не прав, западничество, возможно, важнее, но в том, что секуляризация очень многое определяет в культуре петровского времени, он прав безусловно. Данную сторону реформ первого императора подробно исследовал А.М. Панченко в ряде ученых своих работ (См.: Панченко А.М. О смене писательского типа в петровскую эпоху; Панченко А.М, Моисеева Г.Н. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века // История русской литературы в 4 тт. Т. 1. Л., 1980. С. 408-420; Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984). Конечно, секуляризация крайне энергично осуществлялась в течение всей второй половины XVII столетия. Широко известен весьма культурно знаменательный факт: первая свадьба Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской, состоявшаяся 16 января 1648 года, была чисто церковной – из свадебного обряда были исключены все фольклорные элементы. А когда в январе 1676 года царь умирал, во дворце готовилось представление «Действа о Бахусе и Венусе». За 28 лет, как видим, секуляризация сделала огромный скачок. Но именно в петровское время обнаружили её внутренние последствия для литературы, что в первую очередь выразилось в смене писательского типа. При всех своих модификациях, пишущий человек в конце XVII века, прежде всего, обращен к Богу. Словесный труд для него – способ духовного делания, своего рода религиозный подвиг, путь, могущий привести к спасению. Чрезвычайно выразителен здесь кулуарный жест Дмитрия Ростовского – завещательная просьба положить себе в гроб черновики «Четей Миней». Поступок этот, так ярко изобличающий в ростовском митрополите человека **барокко** с его чувством метафоры (ведь данное пожелание – впечатляющий пример культурной метафоры), наглядно демонстрирует религиозный подтекст литературного труда Дмитрия. И в этом великий святитель был не одинок.

При Петре такое отношение к литературным занятиям постепенно исчезает. «Петр выдвинул другой тип писателя. Интеллектуал, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, был заменен служащим человеком, пишущим по заказу или прямо “по указу”» (Панченко А.М. Моисеева Г.Н. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века // История русской литературы в 4-х тт. Т. 1. С. 419). Вместо служения Богу предлагается служить государству – такая подвижка писательской ментальности отражает культурный слом колоссальной силы. Именно земное властно требует к себе первейшего внимания со стороны литератора. К земному ведет и другая разновидность словесного делания, открытая реформами Петра: литература не только

должна приносить практическую пользу – для чего и существуют писатели-чиновники, пишущие или по непосредственному распоряжению властей или, исходя из своего патриотического порыва, из собственного осознания потребностей государства (что могло привести к неприятным для них последствиям, как в случае с И.Т.Посошковым), - она предназначена еще и для развлечения. Здесь писатель выступает уже не как государственный служащий, а как досужий человек, в свободное свое время занимающийся – для забавы – чем он хочет. О Боге и тут никакой речи не идет.

Грандиозные результаты подобных перемен стали ощущаться в литературном обиходе позже, когда Преобразователь, как выражались в те времена, почил в Бозе, в конце 1720-х, в 1730-ые годы. Но сами перемены пришлось как раз на первую четверть XVIII века, резко отделяя её от предыдущих десятилетий.

III. Не менее резко отгораживают время петровских реформ от культурного процесса конца XVII века и изменения в характере и типе европеизации. Надо заметить, что необходимость европеизации была осознана на Руси очень рано, по существу сразу вслед за возникшей на рубеже XIV – XV веков культурной изоляцией Московского государства, связанной, с одной стороны, с исчезновением самой идеи вселенской православной монархии, воплотившейся в Константинополе, павшем в 1453 году, с другой же – с высвобождением из монгольского политического и, в какой-то, правда, очень малой степени, и культурного пространства. В ряду этих европеизационных усилий стоят зарубежные контакты Ивана III и тем более его «грозного» внука (Ивана IV), их неудавшееся стремление закрепиться на Балтике. Тут же надо назвать также неудавшиеся matrimониальные намерения Бориса Годунова: готовившийся им брак дочери Ксении и датского герцога Ганса, не состоялся из-за смерти последнего в 1602 году, переговоры 1604 года о новом браке царевны, на этот раз с одним из шлезвигских герцогов вновь ни к чему не привели. Он же организовал им посылку молодых людей за границу для учебы – все они пропали без вести. Но прочных успехов, как видим, достигнуто не было. Большими удачами в этом направлении отмечена деятельность Романовых – начиная со второго царя новой династии (Алексея Михайловича). Это во многом обусловлено глубинными движениями в сознании московского общества, связанными с церковными реформами патриарха Никона.

Не одну необходимость европеизации извлекли москвиты из событий XV века, оставившего Северо-Восточную Русь в изоляции. Были сделаны и выводы абсолютно иного толка: подъем Москвы на фоне упадка и политической гибели других православных держав свидетельствуют об утрате последними живой христианской веры, об их отходе от Православия и, наоборот, об особой верности русских Христу, о полноте их церковной жизни. Соответственно, русская Церковь – единственно правильная, она и есть Церковь во всей полноте её мистической жизни. В первой половине XVII века такая «национализация» Православия только усилилась. Протомившийся долгие годы в польском плену, патриарх Филарет, отец нового царя, Михаила Федоровича, к иностранцам относился крайне настороженно, результатом чего «было усиление психологической и духовной изоляции России» (Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовное движение семнадцатого века. München, 1970. С. 73).

Реакцией на эти тенденции в известной мере стали церковные реформы Никона, которые состояли в предельно жестком, даже вызывающем оживлении идеи Вселенской Церкви, частью которой, а не единственным истинным живым воплощением, и является русское Православие. Причем, не столь уж важно – насколько серьезными были вселенские помыслы московского патриарха, глубоким ли было его грекофильство. Какими бы поверхностными и далекими от духовной жизни Церкви ни были замыслы Никона (впрочем, думаю, что они были иными – ответственными и серьезными в высшей степени), его деятельность привела к важнейшим последствиям: она означала торжество вселенского над национальным.

Преодоление чувства религиозной национальной исключительности имело и далеко идущие культурные последствия. Возникла почва для интеграции других культур, причем

интеграции весьма своеобразной. Вселенское в жизни Церкви не означает утрату национального, вселенскость – не интернационализм, она предполагает не дуальную оппозицию: своё ↔ чужое, но триаду: своё ↔ чужое ↔ вселенское, и движение внутри триады идет по спирали. В каком-то смысле по этому пути и пошла европеизация русской культуры во второй половине XVII века, что привело её к идее диалога с Европой через трансплантацию определенной культуры-посредницы. Русь не просто европеизировалась, заимствуя те или другие элементы из западноевропейских культур, она стремилась впитать нужный ей и ею желаемый культурный опыт через усвоение некоей, так сказать, «промежуточной» культуры, с одной стороны, достаточно европеизированной, чтобы быть полезной московскому обществу, с другой же – великорусскому сознанию в чем-то существенном близкой. Причем происходит не обычная рецепция этой культуры, а ее трансплантация. Трансплантация, – в её понимании Д.С. Лихачевым, введшим данное понятие в научный оборот – не простое заимствование, она предполагает известную переделку: «Памятники», «целые культурные пласты» «пересаживаются, трансплантируются на новую почву и здесь продолжают самостоятельную жизнь в новых условиях, подобно тому, как пересаженное растение начинает жить и расти в новой обстановке» (Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X - XVII веков. Л., 1973. С. 22). Такая трансплантированная культура становится культурой-посредницей в особом значении: она не только сама по себе обогащает осваивающую ее культуру, но передает, пропуская через себя, и культурный опыт других стран, который легче воспринимается в обработке культуры-посредницы, так как ощущается во многом родственным себе и не вызывает отторжения.

Такой культурой-посредницей во второй половине XVII столетия стала для великорусского сознания культура украинская. На Украине раньше, чем у других православных славян наметилась европеизация, что проявилось в появлении риторики, в развитии образования, в распространении латинского языка и формировании типа интеллектуала. Пусть и самым краем Европы, но Украина в XVII веке несомненно становилась. Вместе с тем, при всей подозрительности к ней московских кругов, она осознавалась как родная, едва ли не своя. Этому способствовали многочисленные обстоятельства: общность веры и предельная близость вариантов литературного языка, историческое прошлое и политическая реальность. Ничего более подходящего для трансплантации невозможно себе представить. Именно через украинскую словесность и начали проникать в великорусскую литературу западные веяния – многие европейски маркированные тексты и жанровые образцы вошли в русское литературное пространство не прямо, не из первых рук, а в украинской своей обработке. Это относится и к **силлабической** поэзии разных типов, и к эмблематике, и к панегирикам, и к риторическим трактатам и т.д. Причем благодаря трансплантационным процессам границы между украинскими заимствованиями и собственно великорусскими литературными фактами были мало различимы. Показательна здесь первая русская риторика – «Риторика Макария». В высшей степени убедительными кажутся соображения Т.В. Буланиной о её создании в Западной Руси в самом конце XVI века (Буланина Т.В. К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 36-57). Вместе с тем она воспринималась великорусским сознанием как собственно русское сочинение. Об этом свидетельствуют и ее атрибуция новгородскому епископу Макарию, и многочисленные ее переделки на Северо-Западе – в Новгороде, Пскове и др., из которых наиболее значительным является сочинение М.И. Усачева 1699 года (См.: Вомперский В.П. Риторика в России XVII- XVIII вв. М., 1988.; Аннушкин В.И. Первая русская риторика XVII века. Текст. Перевод. Исследования. М., 1999). Вообще русская и украинская составляющие в элитарной барочной словесной культуре, возникшей в Москве при Алексее Михайловиче, трудно разделяемы, и не случайно при характеристиках литературной жизни второй половины XVII века, факты обеих культур неизбежно смешиваются.

IV. Возникавшая в результате трансплантации украинской культуры европеизация имела особенный «мягкий» характер. В некоторых отношениях вырастая из идеи вселенскости, она предполагала приобщение к чужому при сохранении своего, собственных (пусть и трансформированных) национальных традиций. Жесткая противопоставленность своего и чужого была ей не свойственна. Конечно, это справедливо лишь отчасти: предельно резкими столкновениями вторая половина XVII столетия как раз изобилует, – как между старообрядцами и никонианами, так и внутри никонианской церкви – скажем, между традиционалистами и украинскими (или украинизированными, вроде Кариона Истомина либо Сильвестра Медведева) интеллектуалами, причем столкновения и возникали по поводу отказа от «отческих устоев», т.е. от национальной духовно-интеллектуальной почвы. Но при всей яркой новизне и непривычности создаваемой барочными интеллектуалами элитарной культуры она не предполагала полного разрыва с древнерусским книжным наследством. Национальные традиционалисты и европеизированные новаторы конца XVII века, ненавидя, гневно обличая и гоня друг друга, тем не менее один другого понимали, и не ощущали своих оппонентов жителями другой планеты. Все-таки, их столкновения были спорами внутри хотя быстро меняющегося, но одного культурного пространства. Вероятно, главным здесь оказывалось, несмотря на успех секуляризации, сохранение, при этом осознанное, отрефлексированное, религиозного фундамента культуры. Поэтому ее преобразование, всегда крайне болезненное и нагнетающее раздражительную напряженность в интеллектуальной атмосфере, шло, однако, без мгновенных и ошеломляющих разрывов. При всей «бунташности», XVII век не был лишен эволюционности.

По некоторым явлениям литературной жизни XVIII века можно себе представить, как выглядела бы в дальнейшем подобная европеизированная, но не порвавшая кардинально с привычным художественным языком литература. В качестве показательного примера можно указать на последнего яркого представителя восточнославянского **барокко**, украинского писателя Григория Сковороду (1722-1794); с одной стороны, он созвучен многим европейским мистическим движениям, не только предшествовавшим, но и современным ему: его философско-литературное творчество органично вписывается в мыслительные движения Европы XVIII века. С другой стороны – особенностями своей поэтической манеры Сковорода связан с восточнославянскими литературными традициями, от них неотделим. Он – европеец, но одетый в собственное народное платье, с отчетливыми чертами национальной физиономии. Вообще, в украинской словесной культуре XVIII века данный тип европеизации сохраняется дольше, чем в русской; очевидно, это связано с тем, что в отличие от русской послепетровской литературы «украинская письменность продолжала придерживаться традиционных форм и методов» (Грабович Г. До історії української літератури» Київ, 1997. С. 477). Впрочем, и в собственно русской словесности XVIII века можно найти подобные фигуры, например, – Тихон Задонский (1724-1783), наиболее «литературное» сочинение которого, «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1777-1779), во многом перекликающееся с произведениями Г.Р. Державина, А.Н.Радищева, Д.И. Фонвизина, одновременно глубоко родственно традициям не только восточнославянского **барокко**, но и средневековой литературы. Правда, его случай можно объяснить духовным его образованием – в нем начала барочной культуры, заложенные XVII веком, были долгое время доминирующим. Однако, и на, так сказать, самом показательном для XVIII века уровне, также обнаруживаются факты интересующего нас порядка, правда, скорее в виде отдельных текстов. Особенно выразительна здесь – и по литературной ориентации автора, и по художественным своим достоинствам – драма А.П. Сумарокова «Пустынник» (1757 год). В ней сразу же заметна творческая рука создателя новой русской драматургии, но столь же ощутима и основательная ознакомленность в старинной литературе, без которой «Пустынник» не смог бы вообще состояться (См. о «Пустыннике»: Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. Сб. 18. СПб, 1993. С. 59-74).

Можно привести и некоторые другие примеры (В. К. Тредиаковский, А.Д. Кантемир), или же обратить внимание на попытку создания «славянороссийского» литературного языка

как синтеза культурно-языковых традиций, начало которой датируется 1740-ми годами (Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 265-418. В истории литературного языка, из-за его консервативности и медленности происходящих в нем перемен, данная культурная модель оказалась, возможно, устойчивее, чем в истории литературы). Но и указанные факты позволяют, хоть отчасти, представить, как могла бы развиваться в XVIII веке русская литературная культура. Могла, однако не развивалась. Дело в том, что петровские преобразования кардинально изменили тип европеизации: диалог с Европой через трансплантацию культуры-посредницы был заменен прямым и непосредственным обращением к Западу. После сравнительно недолгого и обуславливавшегося необходимостью союза с «латинствующими», т.е. украинскими интеллектуалами вроде Димитрия Ростовского и Стефана Яворского (других интеллектуалов под рукой активно взявшегося за реформы царя просто не было), который завершился скорым разрывом, Петр стал качественно менять характер все убыстряющейся (и им самим убыстряемой) европеизации – необходимый опыт теперь предпочитали получаться непосредственно из первых рук.

Почему произошла такая перемена? А.М. Панченко давал ей следующие объяснения: во-первых, планам Петра не соответствовал религиозный пафос, сохраненный **барокко** рубежа веков. В авторе он хотел видеть исполнителя государственной воли, а не Божьего слугу. Во-вторых, европеизация, осуществляемая предшественниками царя, являлась по преимуществу гуманитарной, была направлена на решение культурных, а не практических задач. Петр же искал во всем – в том числе и в культуре, даже словесной – практической пользы. С этим жестким прагматизмом, очевидно, напрямую связана переориентация европеизации – с Польши, католических стран Запада (Италия, Франция), культурно развитых, но в большинстве случаев (за исключением Франции) технологически отстающих, на северные протестантские страны (Голландия, Англия, Швеция), как раз технологически развивающиеся особенно энергично. К этим объяснениям можно добавить и еще одно – хотя Петр был воспитан культурой, созданной первыми Романовыми, – иначе и быть не могло – относился он к ней в высшей степени настороженно. Она была в его сознании связана скорее не с его, столь высоко почитаемым им, отцом, не с матерью, но со старшим братом – Федором Алексеевичем и особенно ненавистной сестрой Софьей. Стоит вспомнить, что виднейшие литературные деятели первого этапа литературной европеизации – Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев состояли с ними в самых тесных отношениях. Первый был воспитателем старших детей Алексея Михайловича, второй же чем-то вроде придворного поэта и проповедника при царевне Софье (за что и поплатился в буквальном смысле слова головой). Кстати, и уровень образования Петра был, скорее, ниже и даже традиционнее, чем у его единокровных братьев и сестры, что тоже не способствовало пониманию того культурного контекста, что его окружал.

По всем этим (вероятно, и некоторым другим) причинам Петр и сменил путь европеизации, и культура стала европеизироваться совсем иначе, нежели раньше. Результаты этого полностью стали проявляться позже, уже по смерти Преобразователя. Но ощутимы они и при его жизни, отделяя тем самым петровскую эпоху от культуры конца XVII века и сближая с последующими периодами XVIII столетия.

Размышляя о том, принадлежит ли эпоха Петра I XVIII веку или же замыкает предшествующее время, следует прислушаться к мнению современников, которые видели в ней начало нового, необычного, и в полной мере ощущали грандиозность происходящих с ними и со страной перемен. Так, например, И.И. Неплюев – государственный деятель и дипломат, чей ответ на экзамене по морскому делу был одобрен царем, сказавшем: «в этом малом будет толк» – записывает о Петре: «Сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди, одним словом, на что в России не взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от него источника черпать будут». По существу об этом говорил, обращаясь к императору по поводу Ништадского мира, и канцлер граф Г. И. Головкин 22 октября 1721 года: «Вашими неусыпными трудами и руководством мы из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в

общество политических народов присовокуплены» В этих замечаниях интересно и другое – переход «из небытия в бытие» связывается близко знавшими Петра наблюдателями с его личностью. Он произведен, в первую очередь, благодаря усилиям монарха. Это заставляет с вниманием отнестись к его роли в преобразовании культуры.

П. Е. Бухаркин

Контрольные вопросы к основному учебному тексту

- а) Что объединяет литературную культуру петровской эпохи со второй половиной 17 века?
- б) В чем состоит новое качество секуляризации в петровскую эпоху?
- в) Какая славянская культура была главным катализатором европеизации русской литературы в конце 17 – начале 18 вв., и в чем состоит ее основное влияние на русскую литературную жизнь?
- г) Чем объясняется разрыв Петра I с западнорусскими (украинскими) интеллектуалами?

Обязательные научные тексты

1. Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М.: Наука, 1976. С. 286—292.
<http://danefae.org/pprs/lichaczov/bau.htm>
2. Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 122–128
<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6964>

Дополнительные научные тексты

1. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // «Культурное наследие Древней Руси» (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 236–249.
http://krotov.info/history/18/1/uspen_07.htm
2. Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 51–72.
<http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il3/il320512.htm>

Контрольные вопросы к научным текстам

1. Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М.: Наука, 1976. С. 286—292.
  - а) В чем смысл культурных преобразований Петра, описанных в статье?
  - б) Как автор объясняет причины негативного восприятия культурного поведения Петра его современниками?

2. Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 122–128

- а) В чем состоит изменение писательского типа в петровскую эпоху?
- б) О чем свидетельствуют примеры церковных кошунов петровской эпохи, приводимые в статье?

Упражнения

1. Сопоставьте основной учебный текст и статью Б. А. Успенского. Как культурные интенции Петра I объясняют изменение характера европеизации в петровскую эпоху?

2. Составьте перечень упоминаемых в основном учебном тексте и обязательных научных текстах писателей петровской эпохи.

3. Используя материалы занятия, выделите основные особенности двух периодов европеизации в России: второй половины 17 века и петровского времени.

Библиография

1. Аннушкин В.И. Русская риторика. Исторический аспект. М., 2003
2. Буланина Т.В. К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989.
3. Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941–1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941.
4. Вомперский В.П. Риторика в России XVII-XVIII вв. М., 1988
5. Грабович Г. До історії української літератури» Київ, 1997.
6. Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
7. Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001.
8. Левитт М. Драма Сумарокова «Пустынник». К вопросу о жанровых и идейных источниках русского классицизма // XVIII век. Сб. 18. СПб, 1993.
9. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // «Культурное наследие Древней Руси» (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976.
10. Маркасова Е.В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII-начала XVIII века. Петрозаводск, 2002
11. Николаев С. И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996.
12. Панченко А. М. Литература «переходного века» // История русской литературы. В 4-х тт. Т. 1.
13. Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974.
14. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
15. Панченко А. М., Моисеева Г.Н. Новые идеологические и художественные явления литературной жизни первой четверти XVIII века // История русской литературы в 4 тт. Т.1. Л., 1980.
16. Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
17. Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005.

18. Серман И.З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // XVIII век. Сб. 9.
19. Флоровский Г. прот. Пути русского богословия. Изд. 3. Paris, 1983.
20. Чижевський Дм. Історія української літератури. Тернопіль, 1994.

Тесты

1. Выберите из предложенных даты царствования Петра I.
  - a. 1689–1725
  - b. 1682–1725
  - c. 1700–1721
  - d. 1703–1728

2. В каком году Петр I принял императорский титул?
  - a. 1703
  - b. 1709
  - c. 1712
  - d. 1721
  - e. 1725

3. Какие из перечисленных манифестов и указов принадлежат Петру I?
  - a. о сбривании бород
  - b. о вольности дворянства
  - c. об отмене слова «раб»
  - d. о смене костюма
  - e. об отделении церкви от государства

4. Кто из перечисленных писателей принадлежат к литературной жизни второй половины 17 века?
  - a. Симеон Полоцкий
  - b. Сильвестр Медведев
  - c. Андрей Белобоцкий
  - d. Епифаний Славинецкий
  - e. Феофан Прокопович
  - f. Григорий Сковорода
  - g. Тихон Задонский
  - h. протопоп Аввакум
  - i. Иван Посошков

5. Кто из перечисленных ниже авторов петровского времени принадлежали к духовенству?
  - a. Стефан Яворский
  - b. Василий Татищев
  - c. Иван Посошков
  - d. Дмитрий Кантемир
  - e. Феофан Прокопович
  - f. Димитрий Ростовский

6. Как автор начинает осознавать себя в петровскую эпоху?
  - a. как пророк
  - b. как служитель Бога

- c. как частный человек
- d. как государственный чиновник
- e. как свободный художник

7. Какие события церковной жизни 17 века способствовали успеху секуляризации?

- a. мученическая кончина патриарха Гермогена
- b. литературная деятельность старообрядцев
- c. ссылка протопопа Аввакума
- d. культурные реформы патриарха Никона

8. Какая наука в 17-18 вв. оказала прямое влияние на развитие литературного творчества?

- a. богословие
- b. грамматика
- c. поэтика
- d. риторика
- e. история

9. Чем обусловлено мощное влияние петровских реформ на литературную жизнь?

- a. «кощунствами» Петра I
- b. отменой патриаршества
- c. демократизацией придворной жизни
- d. новым характером европеизации
- e. новым характером секуляризации

10. Кто из представителей династии Романовых определил характер первого этапа русской европеизации?

- a. патриарх Филарет
- b. Михаил Федорович
- c. Алексей Михайлович
- d. Федор Алексеевич
- e. Софья Алексеевна
- f. Петр II
- g. Екатерина I